

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 7
volume 7**

Центр
«Петербургское Востоковедение»

Санкт-Петербург
1995

Три этюда о Гильгамеше (Шумерологические заметки)

В. В. Емельянов
(Санкт-Петербург)

В шумерских эпических песнях, царских гимнах и заклинаниях Гильгамеш фигурирует в двух основных ипостасях — как Солнце подземного мира и как правитель города Урука, победивший в двух битвах: с царем Киша Аггой (за политическое преобладание в Шумере) и с Хумбабой (за священные кедровые деревья и блески царственности). Целью наших коротких заметок не является вопрос об историческом бытии Гильгамеша-лидера, равно как и проблема соотношения реальной политической фигуры с образами мифологии. Мы хотим обратить внимание читателя на феномен исторической памяти и некоторые его свойства. Человека помнят за то, что он сам считает достойным памяти, его тень призывают тогда, когда хотят добиться в своей жизни аналогичных результатов, его любят за силу характера, простоту решений и стремление к единству. В эпоху ранней древности в Месопотамии историческая память формировалась в среде воинства, близкого к трону верховного владыки. Это была память походов, подвигов и завоеваний.

Какого бессмертия искал Гильгамеш?

(К интерпретации стрк. 5—7 песни «Гильгамеш и Хувава»)

Со времен первого издания эпоса о Гильгамеше читатель знает о том, что легендарный царь Урука Гильгамеш искал бессмертия, нашел его, но волею судеб утратил. При этом кто-то понимает бессмертие как вечную жизнь нестареющей плоти, кто-то, наоборот, как высшую цель человеческого духа. И в применении к аккадскому тексту оба эти мнения оказываются верными. Там Гильгамеш назван *muštē'û balāti* 'жаждущий жизни'¹, и поиски его действительно направлены на омоложение тела и вечное сохранение физического здоровья. Не достигнув заветной цели, Гильгамеш обретает вечную жизнь только

¹ Gilg.Ni.39: ha-a-it kib-ra-ti muš-te- -u₂ ba-lā-ti 'осмотревший все страны света, жаждущий жизни'.

в памяти благодарных потомков, читающих занимательную историю его странствий². Однако в шумерских песнях о Гильгамеше все обстоит несколько иначе. Составленные на полторы тысячи лет раньше аккадского текста, они доносят до нас древнейшие представления жителей Двуречья о бессмертии. Кроме того, они помогают ответить на вопрос, почему бессмертие желанно именно Гильгамешу, а не его предшественникам Энмеркару или Лугальбанде. Думается, что корни таких представлений нужно искать не в мифологии и даже не в истории самой по себе, а в том, как структура коллективного сознания реагирует на исторические события³.

В шумерской эпической песне «Гильгамеш и Хувава» главный герой — эн Кулаба Гильгамеш — так говорит о цели своего похода: *ku₁-ra ga-an-ku₄ tu-gu₁₀ ga-am₃-gar /ki tu-gub-bu-ba-am₃ tu-gu₁₀ ga-bi₂-ib₂-gub /ki tu-nu-gub-bu-ba-am₃ tu-dingir-re-e-ne ga-bi₂-ib₂-gub* «на Гору (= в чужую страну) я хочу взойти, имя мое там установить (*tu-gar*) /Там, где имя ставится (*ki tu-gub*), имя мое я хочу поставить /Там, где имя не ставится, имена богов хочу поставить» (5—7)⁴. И первым вопросом, обращенным к тексту, будет: что означает «установить имя»? В старошумерских царских надписях составным глаголом *tu-gar* передается сакральный акт называния, именованя предметов, посвященных богу, например: *ur-ha-lu-ub₂ i₃-du₈-še₃ tu-na-durun-durun-na lugal-ki-ag₂-ga₂-ni ^dNin-gir₂-su-ra tu tu-na-gar* «Двух львов из дерева "хулуппу" в качестве привратников он усадил — своему любимому хозяину богу Нингирсу имя установил» (En. I 2, 3: 2—6)⁵. Гильгамеш, судя по тексту, собирается установить свое имя в чужой стране, прославив и себя и богов⁶. Скорее всего, речь идет о вещественном памятнике — например, о стеле. Сим-

² После выхода статьи Дж. Г. Вестенхольца «Writing for Posterity» (In.: R. Kutscher Memorial Volume, p. 205—218) стало ясно, что надпись Гильгамеша, упомянутая в Предисловии к аккадскому эпосу, имеет функциональное назначение. О Гильгамеше не только помнят, но и молятся за него. При этом под *narî* в аккадском эпосе понимают не стелу, а небольшую табличку, помещенную в медный футляр *tupšenni*.

³ Принцип «шеррингтоновой воронки»: обрабатывается не вся информация, приходящая из внешнего мира. Неосмысляемая часть переводится в тропы методом аналогии (поход на чужую землю — борьба с чудовищем, нашествие врагов — потоп и т. д.).

⁴ Транслитерация по новейшему изданию текста: Edzard D. O. Gilgames und Huwawa. — Zeitschrift für Assyriologie 81, II Halbband, 1991.

⁵ Behrens H., Steible H. Glossar zu den altsumerischen Bau- und Weihinschriften. Wiesbaden, 1983, S. 235.

⁶ Бог владеет стелой, на которой написано имя царя. Ср. в одной надписи Шульги: ^dIM lu₂-gal na-DI-a: ^dIM be-li na-ri-im «бог Ишкур — владелец стелы» (Sulgi 54, 1.1—2).

волика надписанной стелы — соединение имени места с именем времени деяния. Известно, что каждая стела имеет свое имя (na-gu₂-a tu-bi 'имя стелы'), и не исключено, что «установление имени» в первоначальном значении — «давание имени (вещи, предмету) в честь кого-то», «присвоение, прославление чьего-то имени». В поздних текстах об этом говорится более ясно: manzāz narēm... īrušma šumšu kabtam iškun «Место [для] стелы... он создал, и имя свое почтенное установил». (RA 11, 92, I, 21, Kudur-Mabuk)⁷.

Следующий вопрос — в каких случаях могла устанавливаться такая стела. Тексты свидетельствуют: либо при постройке святилища, либо при установлении своей власти на чужой территории. Еще одна эпическая песня — «Гильгамеш и Агга» — сообщает о реальном историческом событии, битве двух шумерских городов Урука и Киша. Войско Киша возглавляет царь (*lugal*) Агга, над войском Урука «юноши города» ставят жреца (*en*) Гильгамеша. Побеждающий в схватке Гильгамеш захватывает власть в Кише, назначая побежденного царя смотрителем работ. Интересно, что и после победы Гильгамеш не назван царским титулом, в то время как энство Урука и царственность Киша оказались в его власти. Можно только догадываться, отчего это так, и ответ подсказывает нам отрывок из уже цитированной песни о битве с Хувавой: iḡi^{ki}-ga lu₂ ba-uš₂ ša₃ ba-sag₃ /u₃ ga₂-e ur₅-gim nam-ba-ak-e ur₅-še₃ he₂-me-a /lu₂-sukud-da an-še₃ nu-mu-un-da-la₂ /lu₂-dagal-la kur-ra la-ba-an-šu₂-šu₂ «В моем городе люди умирают — сердце разбито!.. И со мной то же делается, так же случится: человек высокий Небес не достигнет, человек широкий [всех] стран не покроет» (23, 26, 27—29). Можно предположить, что в ранней древности охват времени соотносился с захватом пространства, и не случайно невозможность достичь вечной жизни связана здесь с невозможностью распространить себя на всю чужую территорию (т. е. захватить весь мир). Сошлемся снова на примеры поздних текстов: amur šagḡi bēlīja šakan MU-šu ana mūsi šamši u erbi Samsi «Взгляни на царя, моего владыку, установившего имя свое до восхода Солнца и до захода Солнца (= от востока до запада)» (EA 288: 5). Можно предположить, что честолюбивые деяния Гильгамеша по захвату сопредельных территорий оказались неудачны в политическом плане, поскольку не принесли ему желанного статуса.

Третий вопрос — какой жизни искал Гильгамеш шумерских песен — непосредственно связан с двумя предыдущими.

⁷ Chicago Assyrian Dictionary, Š₁, šakanu.

На посвяtitельных стелах и статуях часто встречается формула *nam-ti-la-ni-se₃* «ради своей жизни», развернутый вариант которой *nam-ti-la-ni-še₃ nam-dam-dumu-še₃* «ради своей жизни, ради судьбы жены [и] детей». Формула означает цель посвящения — жизнь семьи отныне передается стеле, содержащей памятную надпись. Следовательно, имя с указанием деяния на посвященной богу стеле — средство продления жизни правителя, будь то строитель или воин. Устанавливая на стеле имя, правитель соотносит долготу дней своей царственности с пространством, этой царственностью охваченным. Примерами могут послужить слова Гильгамеша из аккадского эпоса, сказанные перед походом на страну Хуавы: *šumam dāriam ša šarrūtija aštakkan* «вечное имя моей царственности я установил бы» (Gilg. V, V 187); *[ana ru]-qu-ti-šu₂-nu šu-ma iš-tak-nu* «на долгие дни свои имя установили бы» (Gilg. IV, VI 39)⁸. Можно с уверенностью сказать, что установление вечного имени (= установление гегемонии над большой территорией) всякий раз отмечается установлением поименованной стелы: *naḡā altur u MU ana dāriš altakkan* «стелу я написал и имя навеки установил» (КАН 2, 26: 11).

Отметим также еще одну немаловажную деталь: в общешумерском Ниппурском культовом календаре V месяц (июль—август) назван «месяцем Гильгамеша». Это время максимальной активности Солнца — постоянного спутника и помощника всех воинственных правителей Двуречья. Солнце символизирует силу личности, но вместе с тем и крайний эгоцентризм, отношение к миру как к своей собственности, желание безраздельного обладания им⁹.

Все приведенные выше тезисы подтверждаются царскими гимнами из Ура, особенно гимнами в честь Шульги. Свидетельства гимнов Шульги тем более важны, что по сакральному родословию этот царь считался братом Гильгамеша. В гимне *Šulgi X* бог Солнца Уту определяет судьбу Шульги: *ur-sag-kalag-ga pirig-še₃ tu-da /hur-sag-gal-gal-la giri₃-ni gar /ur-sag-kur-ra mu-ri-ri-ge-eš*

⁸ Thompson R. C. The epic of Gūgamesh (Oxford, 1930).

⁹ Astrolabe B, section A: [ITI.NE mul-kak-si-sa₂]-^dNin-urta-ra / [KI.NE ba-sar-sa]r-re-ne / x [gi-izi-la₂]-^dA-nun-na-ke₄-ne / nim-nim-mu-de₃ ^dKAxNe am-ta-e₁₁-de₃ ki-^dUtu-ra mu-da-sa₂-e' / iti-^dGil₄-ga-mes / u₄-9-kam guruš gešpu-lirum-ma / ka₂-ne-ne a-da-min₃ : ITI.NE Šu-ku-du ^dNin-urta KI.NE.MES / ut-tap-pa-ha dipa-ru a-na ^dA-nun-na-ke₄ / in-na-aš-ši ^dBIL.GI / is-tu AN-e ur-ra-dam-ma / it-ti ^dU^uU i-ša-na-an / ITI ^dGIŠ.GIM.MAŠ tu-š_u' -u₂ / U₄-mi et-lu-tu i-na KA₂ MEŠ-š_u-nu / u₂-ma-as₂u₂-ba_{ru} ul-te-su-u₂ «Месяц Огня, звезда "Стрела Нинурты": жаровни возжигаются, факелы для Ануннаков поднимаются, Гирра с Небес спускается, с Солнцем равняется, месяц Гильгамеша, [когда] девять дней юноши в борьбе [и] атлетике по кварталам своим соревнуются» (KAV 218 A, II, 1—15).

/bara₂-bara₂-ge giri₃-sa-ga i₃-mi-d[u₁₁] /mu-zu za₃-an-na-še₃ tu-u₃-gar «Могучий герой, рожденный львом.../На Великие Горы стопу свою возложивший, /Героев чужой страны (*kur*) низвергший, /Троны их поправший, — /До края Небес имя свое ты установил» (83, 86—89). Аналогично в Šulgi A: tu-gu₁₀ u₄-ul-li₂-a-aš ga₂-ga₂-de₃ ka-ta nu-šub-bu-de₃ /ar₂-gu₁₀ kalam-ma ak-aka-de₃ /ka-tar-gu₁₀ kur-kur-ra si-il-le-de₃ «Ради того, чтобы имя мое навсегда установилось, чтобы не забылось, /Ради славы в Стране, /Ради известности в чужих землях (*kur*)...» (36—38)¹⁰. Отличие лишь в том, что в это время роль памятной стелы для царя играет гимн, увековечивающий его как бога.

Если же задуматься о том, за что Гильгамеш приближен к трону урских царей, придется подумать и о природе царской божественности. Хорошо известно, что в древности имущество считалось продолжением человеческого тела. Распространив себя за пределы естественных границ, человек как бы увеличивался в размерах. Одновременно с увеличением в размерах шло увеличение во времени, поскольку, захватывая некое пространство у бессмертного бога, человек становился равным ему, как только получал возможность это пространство удерживать. Распространение себя одновременно вверх и вширь — во времени и пространстве — удержано и сохранено памятником, содержащим имя нового владельца территории. В эпоху III династии Ура появляется термин *nam-dEn-lil₂* «энлильство», означающий власть над всем обитаемым миром. Поскольку же в представлении шумеров Энлиль означал именно власть высокую и широкую (образ Великой Горы), то можно сказать, что терминологически именно энлильство является заветным бессмертием Гильгамеша. Гильгамеш, по-видимому, совершил первую попытку объединения Страны, оказавшуюся несвоевременной¹¹. За это и воздавали ему должное урские цари.

Остается непонятным, каким все же образом имя, написанное на стеле и «назвавшее» стелу, способно обеспечить правителю бессмертие. В шумерских текстах едва ли отыщется ответ на этот главный вопрос. Но тексты, дошедшие от времени после III династии Ура, дают любопытную подсказку: šut narê'a tamuruma /pūtka tušešū /šut jāši taktarba arku /liktarrabka kāša «Ты,

¹⁰ Klein J. Three Šulgi Hymns. Ramat-Gan, 1981.

¹¹ В старошумерских надписях право на руководство всей Страной (*kalam*) означает объединение в руках одного физического лица урукского энства (*nam-en*) и кишской царственности (*nam-lugal*). В эпоху III дин. Ура победа Гильгамеша над Аггой вполне могла рассматриваться как прецедент объединения властей, а значит — и территории в руках одного правителя.

кто прочел мою стелу, увел себя [от беды]! Ты, кто помолился за меня — будущий [царь] и за тебя помолится!» (Куту, 177—180); *ina nare ul ištur ul ezibamma ragri u puti /šuma ul uššima ul aktar-gabšu* «на стеле [ничего] не начертал он (Энмеркар), мне не оставил, /имени он не вывел, — и я за него не помолюсь» (Куту, 29—30). Получается, что имя-надпись на стеле служит непременным условием обеспечения загробной жизни, а культ стелы связан с *kispu ša šarrani* «погребальным царским ритуалом». В таком случае можно с большей или меньшей долей вероятности считать, что в более раннее время, когда молитва не отделялась от принесения жертв, имя-надпись на стеле обеспечивало регулярное кормление умершего владельца стелы. Последнее в шумерских текстах подтверждается стелами и надписанными статуями, стоящими в «месте напоения [мертвых] водой» (хотя бы Гудеа, ст. Б, VII 55). В том же самом месте, у статуй урских царей, читаются и их гимны¹². Кстати, подтверждается это и особой ролью Солнца как судьи душ в загробном мире: неслучайно сходящие туда цари приносят обильные жертвы Гильгамешу.

Неожиданное подтверждение последнего тезиса находим и во Второй книге Царств, 18, 18: «Авессалом еще при жизни своей взял и поставил себе памятник (*masebet*) в царской долине; ибо сказал он: нет у меня сына, чтобы сохранилась память имени моего. И назвал памятник своим именем. И называется он «"памятник Авессалома" до сего дня»¹³. Здесь памятник ставится в знак поминовения имени, что, несомненно, явилось переосмыслением загробного кормления отцов. Можно предположить, что Гильгамеша кормят именно по факту установления поименованной стелы.

Подводя итоги, скажем: Гильгамеш шумерских песен — жрец-воин, не имеющий царского титула, поставленный во главе войска боеспособным населением города, желающий максимально расширить подвластную территорию и увековечить свои воинские подвиги на посвященной богам стеле с целью обеспечения себе вечного загробного кормления. Вследствие неведомых причин это ему не удается, хотя тексты дают одну подсказку: Гильгамеш стремится захватить бессмертие силой и оказы-

¹² Связь поименованной стелы с загробным кормлением см. в надписи Кудурмабука: *ina ašrim šaqummim ašar šepum paršu bit agurrim šubtam elletam manzāz narēm ša umišam ina libbišu niqū kajānu ana dāriš ūmī ipušma* «В месте тишины, где нога..., дом из обожженного кирпича, священное жилище, место [для] стелы, [где] ежедневно жертвенные возлияния постоянны, на вечные времена я возвел» (RA 11, 92, I 11—20).

¹³ Сердечная благодарность гебраисту М. В. Ивановой, любезно указавшей на этот библейский фрагмент.

вается в конфликте с Энлилем, назначающим царей. Формально это проявляется в его стремлении захватить лучи *melamtu*, которыми харизматически обладает каждый царь (ni_2 -zu ba-am₃-ma-ga su-zu-am₃ ga-an-ku₄ «Лучами своими со мной поделись — в семью твою войти я хочу!»¹⁴; т. е. Гильгамеш хочет войти в семью живых). Это наводит на мысль, что власть Гильгамеша не была подтверждена в Ниппуре и он находился в конфликте с авторитетами верховной общинной знати. История смертного, искавшего вечной жизни, превращается в историю городского правителя и незаконного царя, желавшего обладать миром. В свою очередь, обладание миром необходимо для завоевания лучшего места под Солнцем мертвых.

Гильгамеш в шумерском заклинании из Ларсы

Общеизвестно, что уже с очень раннего времени (РД II) Гильгамеш был обожествлен и почитался как бог-покровитель подземного мира. Цари, сходявшие туда, обязаны были приносить ему жертвы, а взамен получали от Гильгамеша хорошую судьбу, необходимую для благополучного существования за гробом. В текстах III династии Ура Гильгамеш покровительствует правящей династии и помогает царям в битвах. В это же самое время начинают составляться заклинания, в которых Гильгамеш фигурирует в качестве бога-экзорциста, отгоняя злых демонов от заболевшего человека. Одно такое заклинание попало нам при работе над серией заклинаний консекрации, изданных Ж. Ван-Дейком в 1976 и 1985 гг. Заклинание записано после падения Ура в старом шумерском городе Ларсе и дошло в относительно хорошем состоянии. Смущает только путаница в знаках, причиной которой, по-видимому, было забвение к этому времени шумерского языка и правил классической клинописной орфографии. Заклинание, скорее всего, записано со слуха фонетическим письмом. Некомментированная транслитерация приведена в YOS 11¹⁵, с. 47.

¹⁴ Фрагмент версии, опубликованной: Ellis M. de J. *Archiv für Orientforschung*, 23. 1981—1982, S. 123—131. Версия учтена Эдцардом (стрк. UnC 148a нового издания).

¹⁵ *Yale Oriental Series* 11 (1985).

TIM 9, 64¹⁶

1. Unu^{ki}-ga ba-tu-ud
2. Kul-aba^{ki} a₂-kalag ba-an-tuku
3. guruš ša₃-Unu^{ki}-ga ba-tu-ud
4. Kul-aba^{ki} a₂-kalag ba-an-tuku
5. lu₂-diš-e gu₄ ba-an-sig₃
6. lu₂-kin-gi₄-a he₂-em-DU
7. sig₄-šegbar he₂-DU
8. a-gi gu-i₇ he₂-nag
9. x ša₃ he₂-sag₃
10. xx ba-an-tuk
11. lu₂ gu im-sag₃-ge he₂-zi-zi
12. tu₆-tu₆-e ^dAsari ba-x
13. ^dAsar-lu₂-hi-e
14. dumu-Eredu (NUN)^{ki}-ga-ke₄
15. nu-mu-un-da-an-bu-re
16. tu₆-en₂-uri₃
17. A.GANA₂ AB.HA.6.SUM

1. В Уруке рожденный,
2. В Кулабе руку,
могучую заимевший,
3. Юноша, в пределах
Урука рожденный,
4. В Кулабе руку
могучую заимевший,
5. Единственный Быка
поваливший —
6. Гонцов пусть отправит (?),
7. Кирпич горного козла
пусть принесут,
8. Воду тростника
прибрежного (?)
пусть выпьет!
9. x внутрь пусть ударит!

YOS 11, 77

1. Unu^{ki} ba-du-ud guruš ša-Unu^{ki}
ba-du-ud
2. Ku-la-a-ba^{ki} u₂-zu ba-an-tuk
3. lu₂-diš-še gu₄ ki-si-ga in-sa₆
4. lu₂-kin-gi₄-a he₂-DU-ma
5. [še]g₉-šinig-ka he₂-DU-ma
6. [a]-gi-sug-ka he₂-nag-a
7. [x] ša i₃-ša₆-[]
8. [mu-u]n-ti-la-[]
9. [^dAsa]ri-lu₂-hi dumu-Eredu-[ga]
10. [nu]-mu-un-du-bu-re

1. В Уруке рожденный, юноша,
в пределах Урука рожденный,
2. В Кулабе траву знания
заимевший,
3. Единственный, кто быка
на погребальную трапезу
принес —
4. Гонцов пусть отошлет,
5. Козла финиковой пальмы
пусть принесет,
6. Воды болотного тростника
пусть даст выпить !
7. x сердце в жертву принес x
8. оживил xxx
9. Асарлухи, сын Эреду,

¹⁶ Texts from the Iraqi Museum IX (1976).

10. хх получил, 10. Не изменит!
 11. тот, кто быка (!) повалил,
 пусть удалит!
 12. Формулы, что Асари х,
 13. Асарлухи,
 14. сын Эреду,
 15. Не изменит!
 16. Заговорная формула.
 17. ?'

Комментарий:

1—4. A_2 -TUKU = e-tu-qu, MSLXII 110, 112 'руку получить' означает «добиться власти, могущества»: E_2 -an-na-tum₂ a₂' (=DA)-tuku-e «Эанатум, руку имеющий (=властный)» (Ean.1,5: 20—21). См. также lu_2 -a₂-tuku 'имуций, имеющий власть'. Гильгамеш имел большую власть в священном секторе Кулаб. Таким образом, его должность по шумерским текстам — эн Кулаба — здесь подтверждается. О царском титуле не сказано. В параллельном тексте Гильгамеш добивается в Кулабе u_2 -zi, что можно перевести как 'трава знания'. Однако, скорее всего это ошибка переписчика.

5. В версии TIM 9, 64 стоит глагол SAG_3 = *mahaṣu* 'бить, ударять', имеющий и значение «валить [с ног]» (PSD B, 41). Ср. также: *giš-eren-na-al-sag₃-ge* 'тот, кто можжеватель повалил' (Гильгамеш и Хувава, 64). В параллельном тексте сказано о принесении быка на погребальную трапезу $KI-SI_3-GA$ = *kispu*. В этом контексте глагол $ša_6$ 'быть прекрасным' имеет значение «быть годным в жертву», например *udu-ša₆-ga* 'жертвенная овца'.

6. Ван-Дейк считает (YOS 11, p. 47), что $LU_2-KIN-GI_4-A$ = *mārē šipri* 'гонцы, посланцы' — реминисценция первой строчки песни «Гильгамеш и Агга», и мы вполне это допускаем. Однако в контексте заклинания есть по крайней мере две версии объяснения этой строчки. Во-первых, «посланцем Энки» традиционно называет себя Асарлухи: ga_2 -e lu_2 -^dEn-ki-ga-me-en / ga_2 -e lu_2 -kin-gi₄-a-ni-me-en «Я — человек Энки, я — посланец его» (UHF, 36—37). Но тогда непонятно, зачем этот посланец должен быть устранен (АНw, 544). Во-вторых, «посланцами Энлиля и Эрешкигаль» называются семь злых демонов, и их-то скорее всего и надо устранять: gal_5 -la₂-e-ne... imin-meš... lu_2 -kin-gi₄-a-^dEres-ki-gal-lat-mes «Демоны галла... — семеро их... — посланцы Эрешкигаль» (UHF, 468—469, 471). Логичнее предположить, что изгоняют именно этих посланцев.

7. По-видимому, речь идет о кирпиче с изображением тотемного животного.

8. Известно, что район болот, поросших тростником — место обитания Энки. Поэтому вода из этих мест считается сакрально чистой: gi -nag-i-da-^dEn-ki-ga-ke₄ / gi -šul-hi na-ri-ga «тростник напоения реки

Энки, тростник плетения чист» (VAT 8352, 3—4; имеется в виду чистота тростника в месте набирания воды из Абзу).

9—10. Смысл высказывания неясен из-за поврежденности текста. Между прочим, сочетание знаков в стрк. 9 напоминает восклицание Гильгамеша в песне о Хуваве: $i\dot{r}i^{ki}-ga_2 lu_2 ba-u\check{s}_2 \check{s}a_3 ba-sag_3$ «В моем городе люди умирают — сердце разбито» (24).

11. $ZI-ZI = nas\bar{a}hu$ 'исторгать' употребляется в значении 'удалять': $HE_2-ZI-ZI = lissuh$ 'пусть он удалит'. Формула замещает традиционную $eme-hul-gal_2 bar-\check{s}e_3 he_2-em-ta-gub$ «злой язык пусть в стороне стоит!» всю фразу стрк. 10—11 можно интерпретировать как: того, кто власть над этим человеком заимел, тот, кто быка повалил, прочь пусть прогонит!

17. Чтение группы знаков неясно.

Список некорректных написаний:

Написано	Нужно читать
du-ud	tud
ša	ša ₃
u ₂ -zu	a ₂ -kalag
si	si _g ₃
lu ₂ -diš-še	lu ₂ -diš-e
šeg ₉ -šinig-ka	šig ₄ -šegbar
gu	gu ₄
nu-mu-un-du-bu-re	nu-mu-un-du-un-bur ₂ -re

Заклинание реминисцентно: помимо упоминания об убийстве Быка (в тексте это жертвенное заклятие), в нем содержатся строки, переосмысляющие канонические формулы эпических песен о Хуваве и битве с Аггой. Рецептúra достаточно стандартна: призываемый на помощь герой не может обойтись без традиционных приемов «медицины Энки». Обладателем магической формулы в закрепке объявлен Асарлухи, а не владычица формул Нингирима, что может свидетельствовать о близости текста к кругу Эреду-Ура.

В издании заклинаний из Ларсы 1985 г. есть еще одно любопытное упоминание Гильгамеша. В тексте против Ламашту перечисляются божества, осуществляющие очищение человека: ${}^dNin-gi\check{s}-zi-da gu-za-la_2-kur-ra-ka he_2-sikil /{}^dVilgames (GIS.NE.GA) aba-lu_2-ug_5-ma-ke_4 he_2-sikil$ «Нингишзида, слуга подземного мира, пусть очистит! Гильгамеш, отец умерших, пусть очистит!» (YOS 11, 88, 32—33). Здесь интересно, во-первых, то, что Гильгамеш напрямую назван «отцом мертвых», во-вторых, то, что он поставлен в паре с заперателем демонов Нингишзидой (послед-

ний имеет змеиную природу и, согласно своему имени, сторожит священное дерево). В песне о смерти Гильгамеша последний встречает Нингишзиду в обществе Думузи, после чего приносит жертвы всем подземным богам (В, 13). Теперь же сам Гильгамеш становится подземным божеством, которое призывается на помощь на правах отца мертвых, т. е. усмирителя умерших душ. Ни Нингишзида, ни Этана, ни Думузи не подошли на эту роль.

Гильгамеш и свойства исторической памяти

Перевод имени ^dBILGA_x-MES до сих пор затруднителен. Существуют две основные версии. Согласно первой, сочетание знаков GIS.NE.PAP, образующих bilga_x, нужно переводить 'дядя', а MES — 'герой'. Вместе — 'мой дядя — герой'¹⁷. Такой перевод легко допустим и объясним, поскольку в ранней древности в состав имен собственных нередко входили имена предков или тотемных предков (например, *Hammurapi* «мой дядя — лекарь»). Вторая версия допускает толкование bilga_x в расширительном смысле — как «предок, старик», а mes переводит в первом значении «юноша»¹⁸. Тогда получаем «старик-юноша», а здесь уже есть над чем подумать.

В мифологиях многих народов мира старик-юноша означает заходящее и восходящее Солнце. Х. Э. Керлот пишет в своем «Словаре символов»: «Старик — всегда отец (наставник, традиция, созерцание, небесный сюзерен, правосудие), а юноша — сын (наставляемый, ниспровержение, герой, смелость)»¹⁹. Эта расшифровка действительно хорошо подходит для раскрытия амбивалентности солярных образов. С одной стороны, Солнце олицетворяет принцип охвата, окружения мира светом (= справедливостью), с другой — принцип захвата, подчинения, обладания миром. В шумерских текстах и на печатях солнечный бог Уту выходит из-за можжевеловых гор, держа в руке серповидное орудие²⁰. Возможно, это то самое орудие, которым срубаются

¹⁷ Устное сообщение И. М. Дьяконова в семинаре 14.04.90 г.

¹⁸ Falkenstein A. *Gilgames* (RIA III, 357). Вторая версия представляется более доказательной с точки зрения первоначального написания имени в текстах Фары. Словари показывают: GIS.NE = a-bu «отец, предок» (IIR 32, 61d); bil₃ = a-bu (Lu III, IV, 74a); pa PAP = a-bu-um (MSL 2, 130, IV, 8); PA₄.BIL₃.GI = a-bu-a-bi 'отец отца' (Lu III, IV 74a); me-es₃ MES = et-lum 'юноша' (MSL 2, 136). Тогда все сочетание знаков прочитывается GIS.NE 'отец' PAP 'отца' MES 'юноша'.

¹⁹ Керлот Х. Э. Словарь символов (REFL-book) 1994, с. 595.

²⁰ Мифы народов мира. М., 1980, т. 2, с. 552.

деревья, и самый образ Солнца, встающего из-за можжевеловых гор, мог восприниматься коллективным сознанием шумеров как образ некоего юноши-героя, пронизывающего/разрубающего своими лучами растущие на горах деревья. Вторая ипостась Уту — справедливый судья загробного мира, объявляющий в гимне судьбы праведников: *ibila-a-ni ku₃-alal(?) -la₂ a he₂-en-na-de₂-e /u₂ ki-si₃-ga [h]e₂-en-na-ga₂-[ga₂].../ki lu₂ mu(?) [...] -bi-še₃ mu-ni he₂-ra-de₃* «Пусть его наследник возольет воду в трубку *alal* для него, /пусть положит он еду на его могилу, /в месте, где [лежит] он, пусть имя его будет названо!» (153—54, 158)²¹. Но существует также и табу (*ni₃-gig*) Уту: «Судья, истребляющий справедливость... забирающий наследника из отцовского дома — табу Уту это» (UET 6/2 259). Старик-юноша у шумеров имеет больше юношеских черт и традиционно подчинен более зрелому и опытному лунному богу, сыном которого является. Юноша-Солнце лишен самостоятельности и все время вынужден добиваться ее, иногда получая в дар, иногда завоевывая. И здесь необходимо обратиться к урукской серии эпических песен.

Энмеркар, Лугальбанда и Гильгамеш имеют общую исходную ситуацию — необходимость похода на восток, в сторону можжевеловых гор. Энмеркару это необходимо для восстановления приоритета Урука над Араттой, Лугальбанде — для того же, Гильгамешу — для захвата священных кедров и лучей сияния. Дальше между действиями Гильгамеша и его предшественников обнаруживается пропасть: Энмеркар побеждает находчивостью разума, Лугальбанда — лаской и обходительностью, Гильгамеш — грубой силой. Энмеркар и Лугальбанда пускают в ход оружие из традиционного набора, Гильгамеш выходит далеко за пределы традиции. Если перечислить все отступления Гильгамеша от традиционных правил жизни — создается впечатление, что перед нами идеологическая антитеза праведному шумерскому правителю, настоящее табу Уту:

*Данные эпических песен
и гимнов царям*

Дела города решает совместный совет старцев и юношей города

Пленение побежденного и его казнь

me-lam₂ — атрибут шумерского харизматического лидера

*Данные шумерских песен
о Гильгамеше*

Гильгамеш не послушал старцев и согласился с юношами

Милует Агту и хочет отпустить Хуваву

Гильгамеш отнимает *me-lam₂* у Хумбабы (правителя Аратты?)

²¹ Acta Sumerologica 13 (1991), публикация Б. Альстера.

Урукский эн обязан сочетаться
браком с Инанной по повеле-
нию ее как госпожи города

Гильгамеш отказывается всту-
пать в брак с Инанной

Правитель должен с уважением
относиться к птице Анзуд,
определяющей судьбы

Гильгамеш разоряет гнездо пти-
цы Анзуд

Разумеется, нарушив все эти священные правила и обряды, Гильгамеш ни в коей мере не мог претендовать на получение благой судьбы. Более того, в рамках общинной традиции такому человеку вообще не должно найтись места, и почитание его, скорее всего, должно расцениваться как преклонение перед неблагим и неподобным. Тем не менее имя Гильгамеша затмило имена его праведных предшественников, и здесь уже самое время задуматься над феноменом исторической памяти.

В статье «К истории птичьего мифологического эпоса» В. В. Иванов утверждает, что мотиву украшения героем (в частности, Лугальбандой) орлиного гнезда предшествует мотив разорения этого гнезда, в результате чего герой получал орудие добывания огня. В наказание верховные боги повелевали орлам клевать прикованных к скале героев (мифы о Прометее и Абрескиле). В шумерском же эпосе орел, наоборот, помогает герою вернуться домой²². По аналогии встает вопрос: является ли поведение Гильгамеша в шумерских песнях более архаичным или более прогрессивным по сравнению с поведением Лугальбанды и Энмеркара? Оба возможных ответа будут правильны. С одной стороны, насилие и агрессивность (разорение гнезда) предшествуют устанавливаемой государством правовой системе решения спорных дел (украшению гнезда). С другой стороны, амбициозный правитель мог захватить власть в городе только в условиях растущего социального неравенства, и, стало быть, такое поведение могло быть возможно в более позднее время. Самый осторожный ответ, вероятно, такой: в отличие от Лугальбанды и Энмеркара, Гильгамеш — сторонник простых, естественно-животных решений проблемы. Если не мое — захватить, если обряд не принесет мне очевидной пользы — отменить обряд, если меня не слушается городская власть — пренебречь городской властью, усилив свою. Историческая память устроена таким образом, что фиксирует персонально именно любителей простых решений, а к именам правителей, находившихся в согласии с традицией и правом, особого интереса не испытывает. За при-

²² В сб.: От мифа к литературе. М., 1993, с. 21—24.

мерами далеко ходить не надо: Саргон, Нарам-Син, Хаммурапи, Эхнатон, Александр, Петр Первый — все это люди, предпочитавшие развязыванию узла разрубание. И именно они входят в сознание человечества как наиболее интересные и яркие его представители. Что же касается «лугальбанд» истории, украшавших гнездо птицы судеб, — Уруинимгины, Гудеа, Ур-Намму, Пиопи — имена сих смертных известны сегодня лишь специалистам. Их и не думали ни воспевать, ни почитать.

Слава Гильгамеша, божественность Гильгамеша — человеческая. Авторы песен видели в нем бесстрашного юношу, вступившего в борьбу с Судьбой, а значит — пытавшегося силой взять то, что ему не принадлежало. Не правда ли, в этом мало духовного и священного, зато много от заповедей воинства. И шумерские песни о Гильгамеше, как хорошо видно из гимнов Шульги, освящали в последние века шумеров воинственную, агрессивную объединительную основу царственности. И в этом проявилось еще одно свойство исторической памяти — любить того, кто соединяет, восстанавливает целостность, поскольку целостность гарантирует могущество и жизненную полноту (изобилие).

V. V. Emelianov. Three essayes about Gilgamesh (Sumerological notes).

The article deals with the phenomenon of historical consciousness and its characteristic features in Early Dynastic Sumer (on the example of Sumerian national hero Gilgamesh).